

и глубже, чем в словах. В поэзии слов слишком много литературы. Если бы Вы знали, как иногда мне тяжел этот наплыв мыслей, настроений, желаний — эти минуты полного отождествления души с внешним миром, — минуты, которым нет выхода и которые безрадостно падают в небытие, как сегодня утром упали на черную клумбу побледневшие лепестки еще вчера алой, еще вчера надменной розы. И странно, что они упали не от холодных прутьев, которыми небо бичевало их на заре — от этих ударов они только поседели... Я видел днем розу, уже полную тяжелых слез, но еще махровую и обещающую... Но едва я коснулся до ее ветки, как вместе со слезами посыпались и лепестки... Так и с моей невысказанной поэзией, с моими все еще золотыми снами — Альма Тадема³ не соберет их росистых лепестков на мраморе своего полотна — их завтра выметет Эбермановский дворник...⁴

Я наговорил все это... Зачем? Здесь, кажется, есть немножко, но поэзы.... Есть, есть, что же делать?.... Оставим меня.... Здравствуйте, дорогая Анна Владимировна... Я не успел поздороваться с Вами и сразу стал читать Вам свой дневник. Недавно вспоминал Вас особенно ярко — играли в Павловске Charfreitage Zauber* из Парсифаля...⁵. Вот это музыка.... И разве поэзия слов достигнет когда-нибудь этого покаянного экстаза со своими прилагательными в сравнительной степени и оковами силлогизмов — в утешение!

Напишите мне что-нибудь.

Ваш И. Анненский

№ 3

2/VIII 1906

Ц(арское) С(ело).

Дорогая Анна Владимировна,

посылая Вам письмо с ответами, я имел в виду на завтра же написать другое. Но вышло иначе — у меня накопилось столько дела, что пришлось отложить беседу с друзьями до более приятных дней. Вот наконец я сбыл и главную тяготу по Учен(ому) Ком(итету)⁶, а также бесконечное число накопившихся докладов в Округе⁷, да кстати уж, и еще одно — дело не дело — которое мучило меня уже давно. Лет шесть тому назад я задумал трагедию. Не помню, говорил ли я Вам ее заглавие. Мысль забывалась мною, затиралась другими планами, поэмами, статьями, событиями, потом опять вспыхивала. В марте я бесповоротно решил написать своего «Фамиру» к августу или уже отказаться навсегда от этой задачи, которая казалась мне то непосильной, то просто нестоящей⁸. Вот послушайте миф, в древности мало распространенный и, кажется, никого не пленивший в новые века.

Сын фракийского царя Фамира (иначе Фамирид) был кифаредом, т. е. музыкантом на кифаре. Его родила нимфа Ариопа. Надменность и успех Фамиры довели его до того, что он вызвал на состязание муз, но был осилен ими на музыкальном турнире — ослеплен и лишен музыкального дара.

Софокл написал на этот миф трагедию, которая до нас не дошла, но мы знаем, по преданию, что он был тогда еще молодым человеком, потому что сам играл в своей пьесе роль Фамиры. Меня что-то давно влекло к этой теме. Между тем в этом году весной мой ученик написал на этот же миф прелестную сказку под названием «Фамирид». Он мне ее посвятил. Еще года полтора тому назад Кондратьев⁹ говорил мне об этом намерении, причем я сказал ему, что и у меня в голове набросан план Фамиры, — но совсем в ином роде, трагического. И вот теперь уже состоялось чтение моего Ф(амиры). Ек(атерина) Макс(имовна) находит, что это без-

* Чудо Страстной пятницы.